

*Маргье, Йосту и Марианне,
с благодарностью за то счастье
и утешение, которое они мне дарят
в этой бредовой жизни.*

Ты ходишь ко мне,
чтобы я вправил тебе мозги

10 июля, пятница, 13:45

Если быть уродиной вроде меня, можно здорово повеселиться. Никому до тебя и дела нет. В смысле, никто не следит за тобой без конца влюбленным взглядом. Так что если хочешь, вставай и уходи — никто не заметит. Если и хватятся, то через час, а то и побольше: «И куда это Салли Мо подевалась?» А за час можно много чего успеть. Ограбить банк. Или убить человека. А люди скажут: «Ну нет, это точно не Салли Мо, она же все время сидела тут со своей книжкой. Так ведь?»

Правда, этим преимуществом я еще ни разу не воспользовалась, потому что до 13 часов 32 минут сегодняшнего дня только и делала, что читала. Научилась в три года, а до того делала вид, будто умею. Стоило родителям один раз прочесть мне книжку вслух, как я уже знала ее наизусть. А когда ты произносишь

текст по памяти и в нужном месте перелистываешь страницу, все думают, что ты и правда читаешь. Если, конечно, до тебя кому-то есть дело. Но для взрослых уродские младенцы еще хуже уродских тинейджеров. Уродских младенцев вообще не должно быть. Вот взрослые и делают вид, будто тебя не существует. Да и вообще, все всегда только делают вид. Никогда не понятно, что люди думают на самом деле. Понятно бывает только в книгах. Эту мысль я еще поясню попозже. Десять лет подряд я только читала, целыми днями. Никто мне не мешал, никто не спрашивал, не хочу ли я поцеловаться у живой изгороди или искупаться на закате, «наедине, вдвоем». Никто не звал меня сниматься в кино.

Все, хватит!

Так вот.

Я пишу лучшую в мире книгу. В ней сначала идут приключения, потом немножко моих размышлений — и так далее. Всем должно быть настолько интересно узнать, что дальше, что и мои идеи они волей-неволей проглотят. Только нельзя сразу рассказывать, кто есть кто из героев, кто у них отец и мать, чтобы не получилось как в Библии. А Библию даже я не осилила.

Мы с мамой добрались до места, как всегда, первыми. Отправились на десятичасовом пароме, так что в полдвенадцатого уже были на острове, в двенадцать дошли до кемпинга, а к половине первого

поставили палатки. Мы с мамой спим в разных палатках. Не потому, что мне так хочется, а потому, что ей нужна свобода делать что угодно, тем более в отпуске. Это ее слова. Дедушка Давид говорил: «Свобода — это когда сидишь в поезде с билетом в кармане». Но мама считает, что свобода — это когда она в отпуске целыми днями ищет мне нового отца. Так она это называет: искать нового отца для Салли Мо. Если находит — проверяет, хорош он или нет. Этим она и занимается у себя в палатке. А я могу только помешать. Я ее понимаю. Но ненавижу эти проверки. Хоть и привыкла к ним. В общем, потому мы и спешим попасть в кемпинг первыми. Чтобы был выбор.

Мама уже поставила белое вино в походный холодильник, а я дочитывала последние страницы «Гамлета», когда из-за деревьев показались Дилан с его мамой.

— Вот и они! — громко воскликнула моя мама. — Отлично, да, Салли Мо?

— Здорово, — сказала я.

И соврала второй раз за день.

— Ну как, уже присмотрела какую-нибудь крепкую попку? — спросила мама Дилана.

Они кинулись обниматься и так крепко стиснули друг друга, что я испугалась, как бы сиськи у них не выдавились со спины. А что, удобно. Если дочка у тебя такая уродина, что глаза б твои не глядели, можно и не смотреть, пока кормишь ее грудью. Мама

Дилана и сейчас на меня ноль внимания. Зато Дилан мне подмигнул. Он единственный знает, что я существую. Но держит это в тайне.

— Все в порядке, Салли Мо?

— Все отлично, Дилан!

Ну вот, соврала в третий раз. Теперь мне три месяца нельзя читать книг. Бред какой-то.

Попозже я еще напишу, как умер дедушка Давид, а потом его кот. Когда они умерли, меня отправили к психиатру — считали, что я слишком странно себя вела, и боялись, как бы я полностью «не утратила связь с реальностью». Я ходила к нему каждую неделю. К Блуму. Это его фамилия. К доктору Блуму. Побывала у него двенадцать раз.

И вот вчера он сказал:

— Салли Мо, ты едешь на каникулы, и давай-ка ты на время перестанешь читать. Три месяца выдержишь? Попробуй жить отдельно от книг. Смотри вокруг себя, размышляй о том, что видишь. Когда человек читает, он думает чужой головой, а тебе уже пора думать своей. И старайся искать возвышенные моменты. Давай договоримся: три таких момента — и сможешь снова взяться за книги, не выжидая трех месяцев.

Мы с ним, с доктором Блумом, часто беседовали о *возвышенном*. Древние философы видели это самое возвышенное в неукротимых силах природы: грозе, землетрясениях, двойных радугах, водопадах, извержениях вулканов — во всем, от чего ты чувствуешь

себя более живым, чем прежде. Снег тоже считается. «Но такое может случиться и когда просто идешь по дамбе, — говорил доктор Блум. — Слева земля, справа вода, над ней солнце встает из тумана, и в какой-то миг мир становится совершенным». «Как будто Вселенная уместилась у тебя в голове, — сказала я, — а может, в сердце. Или наоборот: как будто заполняешь собой Вселенную. Как будто все, что есть на свете, — это ты». — «Рад, что ты меня понимаешь, Салли Мо. По-моему, возвышенное — это тот миг, когда ты счастлив, что родился на свет». Да, доктор Блум — не какое-то там трепло, мне с ним повезло.

— В твоей жизни было что-нибудь возвышенное, Салли Мо?

— В настоящей жизни? — переспросила я.

Он кивнул. И я вспомнила. Как несколько лет назад мы были здесь в кемпинге, и шел дождь, и все сидели по палаткам или были в столовой, или пошли в музей вынесенных морем сокровищ, а я сидела одна на краю бассейна, и тут с дерева слетел листок и, кружась, приземлился на воду.

— Приземлился — в данном случае дурацкое слово, — сказала я.

— Неважно, — ответил доктор Блум.

— Так вот, — продолжала я, — листок упал прямо как надо. Не могу точно объяснить, что это значит. Но когда листок упал прямо как надо, то и все в мире стало прямо как надо. Я была совершенно счастлива.

И тут я заплакала. Из-за листка, упавшего на воду в бассейне. В кемпинге. Ну и бред. Доктор Блум тоже повел себя прямо как надо. Встал, подошел к окну и стал смотреть на улицу. Выжидал, пока мне захочется продолжить разговор.

— Все, уже прошло, — сказала я через несколько минут.

Он обернулся и ответил:

— Вот именно такие возвышенные моменты и стоит искать, Салли Мо. Их можно найти где угодно, даже в общении с людьми, клянусь!

— Может, в эти мгновения человек как бы возвращается в то время, когда он еще не родился, — сказала я, — такое появляется ощущение.

— Фу ты ну ты, Салли Мо! Ты ходишь ко мне, чтобы я вправил тебе мозги, а получается наоборот: от разговора с тобой я становлюсь еще более чокнутым, чем был.

Тут мы с доктором Блумом — мы оба рассмеялись. Не громко. Ни капельки не громко. Скорее как два листка, которые падают рядышком, прямо как надо, на поверхность бассейна. Под дождем.

Но вчера мы с ним поссорились. Перед самым моим уходом. Из-за правды. Начали у него в кабинете, продолжили на лестнице и в передней, а закончили на улице. Проговорили минут пятнадцать, не меньше. Попозже я еще опишу подробно, но дело сводится вот к чему: доктор Блум считает, что правда — это полная чушь, а я считаю, что до правды,

наоборот, надо доискиваться изо всех сил, ведь это высшее, что есть в жизни.

— Высшее, что есть в жизни, — сказал доктор Блум, — это когда твои стихи переводят на китайский, а еще выше — когда ты превращаешься в лягушку.

Отлично сказано, но я слишком на него злилась, чтобы улыбнуться. И вообще, я ненавижу животных. Правда. Всех животных.

— Если ты так ценишь правду, — предложил доктор Блум, — попробуй хотя бы один день не врать.

— В смысле?

— В прямом. Просто попробуй.

— Я и так не вру.

— Ты влюблена?

— Нет.

— А в Дилана?

Блин! О Дилане я сама рассказала доктору Блуму на одной из первых встреч. Довольно много всего. Уверена, что Дилан перевернулся бы в могиле, услышав мое «нет». Или со злости взвился бы пепельным смерчем в урне. Если бы, конечно, был мертвый. Но он пока не умер. Насколько я знаю. В смысле, любовью человек, которого ты не видишь и не слышишь прямо сейчас, может оказаться умершим. Я вдруг ужасно испугалась: вдруг Дилан и правда уже все?

— Упрощу тебе задачу, — сказал доктор Блум, — если соврешь меньше трех раз за день, можешь снова взяться за книжку. По рукам?

— Значит, соврать два раза за день можно?
— Вообще не врать невозможно, это бесчеловечно.
Ну ладно.

С утра я сразу начала говорить правду. Встала, посмотрелась в зеркало и сказала:

— Ну и рожа!

Хорошее начало. Мама спросила из своей комнаты, проснулась ли я.

— Да!

Отлично!

— Хочешь ко мне заглянуть?

— Нет!

Тоже честно.

— Ну пожалуйста!

— Ладно.

Это я сказала неохотно, но не соврала.

Я вошла к ней в комнату, она стояла перед зеркалом в шортах, которые были ей явно малы.

— Как я в них, Салли Мо?

— Классно.

Вот и первый раз. Через пять минут после того, как встала с постели. Затем, когда в кемпинге появились Дилан со своей мамой. «Здорово!» Второй. Может быть, надо было честно сказать, что маму Дилана я ненавижу еще сильнее, чем свою? Впрочем, самая ужасная сука — это мама Донни и Бейтла. «Все в порядке, Салли Мо?» — «Все отлично, Дилан!» Третий раз. Вот и все. Или я должна была

сказать, что он поганец, потому что год не подавал признаков жизни? Но я так счастлива, что с ним все в порядке!

Все, что я тут пишу, — чистая правда. А все, что я сегодня сказала, было ложью. Теперь посмотрим, как получится с возвышенным.

— Умереть.

— Не родиться.

— Если ты умер, то ты хотя бы сколько-то пожил, — сказал Дилан.

— Если ты не родился, то ты еще можешь родиться, — сказала я.

— А если умер — не можешь, что ли? — спросил Дилан. — Взять да родиться еще раз?

Это у нас такая игра — «Что хуже». Мы играем в нее уже лет пять. С ней у нас есть о чем размышлять те пятьдесят недель, что мы не видимся. В прошлом году мы расстались на вопросе «Что хуже — умереть или не родиться?». Есть о чем подумать. До этого мы обсуждали вопрос «Впасть в летаргический сон и проснуться в крематории от огня или в гробу, закопанном в землю на два метра?» Я была за крематорий: в огне ты сгоришь раньше, чем поймешь, что еще жив, а в гробу будешь загибаться долго и мучительно от голода и жажды.

Но Дилан считал, что гроб лучше: «Потому что я возьму с собой мобильный телефон». «Который там не ловит, угу», — сказала я. «А кто-нибудь это

проверял?» — «Аккумулятор сядет, или деньги закончатся». — «Думаешь, я такой дурак?» — «Тогда тебя найдут через несколько веков, а твой скелет будет руками и ногами упираться руками и ногами в крышку гроба, чтобы ее поднять». — «Можно попросить, чтобы перед похоронами тебе вонзили нож в сердце, тогда точно будешь мертвый». — «Но нож надо потом обязательно вынуть, а то кровь не вытечет. Иначе получится, будто рану залепили пластырем или бутылку заткнули пробкой. И ты остаток жизни проваляешься в гробу с ножом в груди». Мы, я и Дилан, никогда не хохочем во все горло. Только тихонько смеемся.

Я влюблена в него уже четырнадцать лет. Мне тринадцать, но наши отцы дружили, и, когда родился Дилан, мой отец сказал его отцу: «Сделаю-ка я девочку для твоего мальчика». Через девять месяцев появилась я и к моменту рождения была влюблена в Дилана уже достаточно долго. Чаще всего выдуманные истории — самые забавные. Было бы жалко их не записывать. Но в этой книге я буду всякий раз пояснять, где правда, а где — нет. Я считаю правду высшим, что есть в жизни, как бы там ни думал доктор Блум. То, что я влюбилась в Дилана еще до рождения, — выдумка.

А теперь правда: сегодня Дилан сказал: «Когда ты появляешься на свет, все улыбаются. И только ты один плачешь. А когда ты умираешь, то все плачут.

И только ты один улыбаешься». Думаю, взял это из какой-нибудь книги. Правда, я ни разу не видела, чтобы он читал.

Поскольку только Дилан знает о моем существовании, он — единственный, кто может в меня влюбиться. Пока этого не случилось, но он всегда относится ко мне по-доброму. Как-то раз я сидела рядом с ним на мостках, читала и вдруг взяла и обняла его за плечи. Он не возражал. Но сам в ответ даже не пошевелился. Так что через какое-то время я убрала руку. Он нырнул в воду, а я вернулась к книге.

В этом году все будет иначе. Я сделаю так, чтобы он в меня влюбился. Об этом я и пишу книгу. О том, как завоюю Дилана. Я же столько всего прочитала. Мне ли не знать, как устроены книги.

Выбирай: пуля в лоб или перерезанная глотка?

10 июля, пятница, 18:17

Следом явились Донни с Бейтелом и их мама. Теперь все в полном сборе. Шесть палаток в кемпинге на острове. Три — для четверых детей, три — для разведенных мам. Небольшое уточнение: нельзя сказать, что я ненавижу мою маму. Я ненавижу все, что она делает и говорит, но это другое дело. У нее нет никаких материнских способностей. Она думает, что хорошая мать первым делом должна позаботиться, чтобы у ребенка был отец. Вот она постоянно и старается его найти, нового отца для меня. Как только ни крутится. У меня от такого просто кровь из глаз. Может, с ее стороны это и мило. Но вообще-то я без отца легко обойдусь — и от одной родительницы забот выше крыши.

— Дальше — тишина*, — сказал Гамлет и умер.

* Здесь и далее цитаты из пьесы У. Шекспира «Гамлет» в переводе М. Л. Лозинского.

Доктор Блум разрешил мне дочитать «Гамлета», но на этом все. После «Гамлета» он велел мне начать записывать то, что я вижу, и слышу, и думаю. Этим-то я сейчас и занимаюсь, но пока писала, не заметила, что Дилан куда-то делся. Shit. Вот любит он быть один. Точнее сказать, не любит быть среди нас. Среди людей. Он всегда уходит на пляж, и сегодня я нашла его именно там. Увидела издали и потихоньку направилась следом. Кралась через дюны. Если ты влюблена, научишься красться совсем незаметно.

Я часто ругаюсь, это у меня в крови. В нашей семье все матерщинники. Это не мешает долголетию. Дедушка Давид умер в девяносто два года. У нас в роду народ крепкий. Умеем пожить в свое удовольствие. Маме тридцать девять, а вытворяет она такое, как будто ей шестнадцать. И ругаемся мы не затем, чтобы кого-то оскорбить. Да мы вообще в значение этих слов не вникаем. Когда я говорю shit, то вовсе не представляю себе кучу какашек, да и большинство людей вовсе не думают о сексе, вставляя в речь fuck. Моим первым словом было «тфаюма». Папа тогда пришел в восторг. Незадолго до того, как я это выдала, дедушка Давид вешал занавески и пропустил одну дырочку, так что у него осталось лишнее колечко. Надо было все начинать заново. «Твою мать», — ругнулся он. Я играла тут же рядом в кубики, строила пирамидку. Когда я поставила предпоследний кубик, она рухнула. «Тфаюма», — сказала я. «У Салли

Мо отличное языковое чутье, — сказал папа, — она найдет себе место в жизни!» И ушел от нас. Теперь он багермейстер — расчищает фарватеры в Дубае. Но каждый год переводит пятьдесят два евро в Фонд борьбы против ругани. Плати по евро в неделю — и ругайся весь год, говорит он. Это выдумка. Я уже больше десяти лет не слышала его голоса. Понятия не имею, как он звучит.

Дилан шел по пляжу вдоль моря, а я кралась за ним через дюны. В то короткое время, что мы живем рядом, я не хочу упускать ничего из того, что он делает. Ни шага, ни слова, ни взгляда, ни ухмылки. Я слежусь за ним повсюду, но Дилан-то не знает. Значит, и не страдает от этого. Так что не беда, я так считаю. Я написала, что всю жизнь только и делала, что читала. Это выдумка. Когда мы на острове, я только и делаю, что слежусь за Диланом. Представляю себе, как все сложилось бы, будь у нас роман. И прокручиваю в голове сюжеты из любовного чтива. Бредятина.

А когда я бываю у дедушки Давида — вернее, *бывала*, — я тоже не читала, а пересказывала книги. Даже когда мы ловили рыбу. Или он сам рассказывал мне истории. Вторым моим словом было «Молчунишка». Так звали гнома из одной дедушкиной сказки, я ее слушала раз сто. «Твой двоюродный дед Барбер очень ее любил, — говорил дедушка, прежде чем ее начать, — знал назубок». Я тоже запомнила ее наизусть, но это было давно. Насколько